

На стихи Большой
ме навесишь
замки сборник стихов

Имма Ивановна Фидямина

Инна Ивановна Фидянина

На стихи не навесишь замки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70253443

SelfPub; 2024

Аннотация

Я легенда, я миф, я мечта! Была на Земле, не была? Не была, потому что землябылью красною проросла, байками, плясками, лебедой, поговорками. Я сюда ни ногой! Не буду никогда тут я, потому что я не Марфута, потому как я и не Маша. Не Маша, а значит, не ваша. Ведь много мне и не надо, я миф и моя награда – читающая планета! А тут я иль меня нету – никому не может быть дела. Лови, поэма новая полетела!

Содержание

Простые романтики	4
А история была такая	30
Любовь на дне колодца	79
Торговала я планетой	125
Я просто в лесу жила	154
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Инна Фидянина

На стихи не навесишь замки

Простые романтики

Музыкант и реки людей

Уличный музыкант,
на серые стены похожий,
на гармошке играл,
играл не для прохожих,
он играл потому, что душа просила,
страстно просила, с невиданной силой!
От его музыки даже дома
серость свою теряли,
и пусть ненадолго, но расцветали
и танцевать пытались —
шатались, шатались, шатались.
А заблудшие кошки
про голубей забывали

и подвывали немножко.

И голуби, не боясь, летали —
крылами своими махали.
Какой-то уличный мальчик
подошёл да сплясал, как мог.
Ну и маленький солнечный зайчик
устоять на месте не смог!
Солнце вылезло из-за тучи.
Распахнулись окна в домах,
в них тётушек целая куча,
головами качали: «Ах!»
Эх, усталость не мука!
Музыкант сыграет на бис.
С тихих улиц исчезнет скука.
И реки людей полились!

Играл музыкант

Играл музыкант, никто не слушал,
только серые стены домов,
город спал или скучно

было от трелей и слов.

Скучно было от песен милорда,
но он упорно аккорд за аккордом
выводил свои трели.

Вот и каши в печах поспели,
кошки устали мурлыкать.

– А как, музыкант, тебя кликать?

– Меня зовут Боже.

– Боже... На что-то это похоже:
на нимб или на небо.

Ты там по случаю не был?

– Нет, не был, я тут играю.

О небесах слагает
моя дуда и бандура.

– Развелось тут вас, трубадуров! —
ушёл прохожий.

А город взял и отложил
своё молчание.

И помчались
по окнам аккорды!

Ай да, милорд ты!
Не быть тебе боже,
но всё же.

Лишь на неё силы и трать

Планета гибнет молодая,
а я иду её спасать,
неизлечимо озорная —
то ли девица, то ли мать.

Покосы, косы и равнины,
леса, зелёные глаза.
Кто знает, помнит моё имя?
Наверное, лишь я сама.
На востоке сказки круче,
на востоке хоровод!
Кто это плечом могучим
подпирает небосвод?
Колесом попёрло небо
прямо у моря (не шучу).
Где какие тут огрехи?
В вихрь всё замолочу!
А на золотой повозке
седой дядька с бородой:
Гэндальф серый, Гэндальф белый?
Нет, мой муж, но весь больной.

Не испытывал он чувства вины,
так и шёл от славы до беды.
Даже правда застряла на нём:
– То ли прав он, толь не прав?
– Да, так уснём!

Планета гибла молодая,
а я иду её спасать.
Я не хотела знать, но знала:
лишь на неё силы и трать!

Я и историки все на свете

О том как Герда Кая искала —
я, наверное, тоже писала,
и другие сказочные истории.
А чёрствые наши историки
вещали лишь о диктаторах
да о царях узурпаторах.

Мне от этого очень плохо!
Полюбить историка сложно,

я ему о Кае и Герде,
а он о министрах и герцогах.
И ему, видишь ли, не скучно
описывать каждый случай
виселицы или казни.
Историк, он не проказник,
а просто вампир —
о каторгах с упоением мне говорил.

А я на выселках живу.
Зачем-то Герду в гости жду,
и думаю о Кае холодном,
как об историке злобном.
Чем-то они похожи.
Но чем? Ответить несложно.

Беги, беги и беги

Эх вы, люди-человеки,
в нашем страшном коем веке
научились вы скучать
дома скучать на диване,

на работе, в метро, трамвае.
И скука была глубокой
от бессмыслия, недомыслия; боком
выходила она в боках,
лень блуждала в глазах.
В нашем странном коем веке
разучились бегать бегом.
Села на поезд, поехала.

В город большущий приехала:
заборы, дома и заводы,
спешащие пешеходы
(озабочены чем-то лица).
И на каждой рекламе «Столица»,
а люди не улыбаются,
лишь за сердца хватаются,
когда телефон звонит.
И ночью никто не спит:
гуляет народ, ему нравится.
Ты в их глазах не красавица.
Не красавица, значит, надо бежать:
ты бежишь, бежишь – не догнать!
Беги, тебя не догонят.
Беги, о тебе не вспомнят,
а значит, ты будешь жить
в чистоте и без скуки,

писать стихи о разлуке
и о душе прекрасной.
Оставь им свой век ужасный.

Некие в коем веке,
разучившиеся бегать бегом,
научившиеся скучать,
им тебя не догнать!
Села в автобус, поехала.
В городок свой тихий приехала:
совсем маленький городок и славный.
Там на каждом доме заглавной
буквой висит «Покой».
Ты плачешь? Да бог с тобой!
Тебя никто не читает,
зато жива и кто знает
какие заветные дали
тебя ещё не встречали.

Разговор с художником

– Я вижу, ты розы не любишь?

– Что мне блеск холодных роз?
Мне милее жар свободы,
пыл любви и пепел гроз!
Что мне розы у окошка
(мёртвый блеск холодных глаз)
не цветок в горшке любимый,
а под ножницы и в таз.
Я люблю, Мишель, такую
ледяную красоту:
горы, горы, снег и море,
реки, сопки... всё во льду.
Я люблю нейтринно в море,
и в воде с небес звезду.
Видишь, как она сияет?
Я плыву, её ловлю.
– Ты никого не любишь.

Я никого не люблю,
зато могу плакать под утро,
и от слёз моих чистых, не мутных
ручьи побегут и реки,
добегут до того человека,
который скажет: «Люблю»!
Я к нему очень хочу.
Вот ты говоришь, художник:
«Усталое сердце молчит.»

А сердце молчит и строчит,
строчит свои стихи,
а над сердцем душа устало:
«Пустое, брось, не пиши!»
Ты говоришь художник:
«Принцесса надменна, горда!»
Но я не принцесса, я плотник —
в мозолях моя рука.

Чем пахнут журналисты

Журналисты пахнут газетами,
да, да, типографскою краской,
кнопками клавиатуры,
мониторами, фото-раскраской.
А ещё они пахнут снегом,
потому что им всё равно
зима это или лето.
Бегут, сезонам назло!

Журналисты пахнут рассветом.
Они встают в шесть утра,

и невзирая на это,
не сходят, не сходят с ума.
И суета суетою
пахнут, наверно, они.
Двери редакций откроем,
принцессы там и короли.
И от запаха жизни
закружится голова!

В каком веке мы б все повисли?
Если бы не она,
страна больших телекамер,
диктофонов, статей «сырец»,
и даже тех, кто не с нами —
павших в боях сердец.
Журналисты пахнут победой,
праздниками, суетой,
солнечным, солнечным светом!
А теперь и немножко тобой.

Любовь просилась к лицедею

Любовь не станет ворожить,
любовь намеренно и просто
заставит с музою дружить
и вознесёт чуть ли ни к звёздам!

А ты, рассерженный актёр,
сбежавший от любовных мук,
зачем-то ночью всё твердил,
что наша жизнь – всего лишь лук:
«И горечь, вроде бы, сладка.
И неминуемо раздеться.
На сцене тоже всё – игра!»
Но не пора ль, дружок, взглядеться
в девчонку, рядом что стоит,
и смотрит преданно и нежно.

Она актриса, говоришь?
Ну что ж, любовь ещё прилежней
в среде шутов и лицедеев.
Смотри, какое счастье между
двух одинаковых орбит!

За штурвал держись

На кладбище пропавших кораблей
не найти потерянных вещей.
Где-то затерялась твоя жизнь.
Не достать её? Тогда держись!

За штурвал держись или за мачту.
Я ещё лет десять здесь потрачу,
но найду пропавшие суда.
Где они? Там, где вода, вода.
А в воде обломки кораблей,
и свихнувшийся Джек Воробей
ищет «Чёрную жемчужину» свою,
а она идёт, идёт ко дну!
Там на дне медузы, крабы, ил.
Ты ещё то дно не посетил?

На кладбище пропавших кораблей,
посреди потерянных вещей
где-то затерялась твоя жизнь.
Удержись за неё, милый, удержись!

Ко мне парень с бедою

Лес не лес, дол не дол,
просто город у моря.
Плыл не плыл, шёл не шёл
ко мне парень с бедою.
Я плечом навалилась
на собственную тоску.
Спала не спала, проснулась,
так и живу в бреду.

А ко мне парень с бедою.
Я его не тороплю,
пусть побудет в героях,
за это же и люблю.
В героях побыв, он покинет
землю, не встретив меня.
Этому парню с бедою
и на небе мало огня!

Лес не лес, дол не дол,
в города ни ногою!

Плыл не плыл, шёл не шёл
ко мне парень с бедою.
А за ним туманов завеса
да дождей пелена.
Я не звалась невестой,
но к нему летела, плыла...

Повесть про небо

Небеса обетованные, повесть дивная.
Деревянный дом, земля не глинная,
луг зелёный и поле,
а на небе целое море:
там корабли на небе.
Ты на них не был,
не был на них и не будешь.
Завтра же позабудешь
эту дивную повесть.
Не с кем мне будет спорить
об обетованном небе,
где ты ни разу и не был,
где я шагами шагаю,

время своё измеряю:
сколько мне тут осталось?
Сколько с нами не знались
челове-человеки,
павших в этом веке?
Всех я пересчитаю,
сложу, прибавлю. Узнаю
страшную, страшную тайну.

Небеса обетованные, повесть дивная.
Деревянный дом, земля не глиняная.
В памяти ничего не осталось.
Иди в дом. Как-то странно смеркалось.

Девочки и мальчики

Правильные девочки поступают правильно,
правильные мальчики нарушают правила.
Правильные девочки никогда не лягут
с неправильным мужчиной, им не до отваги.

Правильные мальчики лягут с кем угодно,

Правильный мужчина, он всегда голодный.

Правильная дама правильно скучает:

жизнь проходит мимо, она не замечает.

Правильный джентльмен тоже очень скучен:
дом, работа и дела. Не бытие, а случай.

Правильные девочки поступают честно,
правильные мальчики «дело шьют» невестам.

А правильная девочка плачет, но не может
отступить от правил. И чёрт ей не поможет!

Павший зонтик

Павший зонтик матерился,
ветер песню пел в груди,
ты в кого-нибудь влюбился?

Ну-ка, ну-ка говори!

Не ответишь никогда,

ведь осенняя листва

сильно душу бередит.

Что там, что там впереди?

Впереди нам машет ветром
раскрасневшийся маяк.
Ты моряк лишь на поверье,
у тебя ведь всё не так.
Буревестник прикорнул,
ты ж рисуешь, как согнул
птицу жизненный расклад.
Ну рисуй, а я пошла.

Павший зонтик матерился,
ветер песню пел в груди,
ты сегодня заикнулся:
– Только счастье впереди!

Болен жаждой в города

Болен волей, муж мой болен,
болен жаждой в города!
Он здесь город понастроил,
целый город ... или два.
Прикажи ему любить,
он не будет тут мудрить,

дом построит, скажет: «Жди,
печь топи и не дури!»
Печь топила целый год.
Слышу я, как он идёт,
он идёт больной, усталый,
сядет, посидит и встанет,
да уйдёт. Спрошу: «Куда?»

А он: «Строить города!»
Вот и всё. И нет его.
Взгляд плывёт уже давно.
Замечталась что-то я,
пойду строить города.
Потому что муж мой болен,
болен жаждой в города,
потому как нам на воле
не гулять уж никогда:
стройка века ... целых две!
Не ходил бы ты ко мне
парень с жаждой в города,
была б я правдою больна.

Романтики, покорившие бы Атлантику

Романтики, романтики, романтики:
геологи, поэты, даже в мантиях,
романтики больших дорог,
пизанских башен, вечных снов.
Их истории, песни и сказки,
бессмысленные присказки,
как целый оживший век.
Вот человек!

Идёт по земле романтик:
девочка или мальчик.
И ему не могут ни сниться
белые, белые птицы,
белые птицы и ели,
да качели, качели, качели,
качели в прошлое и настоящее,
в будущее манящие,
даже в миры параллельные.

«Последние мы или первые?» —
думать об этом сложно,

не думать совсем невозможно.
Вот и ходит печальный романтик.
Он покори́л б и Атлантику,
он бы и Землю свернул!
Да летит к вселенскому дну
наша галактика —
нет времени у романтика!

Спасите нас, нам скучно

Спасите наши души!
Нам тесно тут на суше,
нам тесно, даже скучно.
А лишних слов не нужно,
лишь бы глаза улыбались,
лишь бы губы смеялись.

Но руки брали гитару,
и все вокруг вспоминали
о том, как души тонули,
как мы их наружу тянули,
а после сидели и пели,

да спали в тёплой постели.

Ну а кому не спалось,
тому в ночи сочинялось:
то ли стихи, то ли проза.
Капала свечка воском,
а душа всё рвалась куда-то —
спасать во всем виноватых!

Анатомия тела, умиротворение

Человек,
бегущий по солнечному сплетению,
пробегая умиротворение,
зажигает нервные окончания
и нечаянно
прикасается к сердцу.
А сердце,
перекачивая ампер/герцы,
побеждает «конечность движения»:
даже в умиротворении
оно бьётся, бьётся и бьётся!

Человечек бегущий смеётся
и несётся, несётся, несётся
в твоём беспокойном теле.
Вы б его пожалели
и отдохнули —
умиротворённо уснули.

Не тут живые Гении живут

Во глубине сибирских руд
живые гении живут,
живые гении живут:
хлеб с мёдом, лёд пережуют.
Перенесут большую ложь,
перекуют земную дрожь
и боль людей,
да смерть смертей.
А городов больших огней,
так не увидев, вдаль уйдут,
в Сибирь, где их оковы ждут.

Во глубине сибирских руд

чужие гении бредут,
бредя, на бредни набредут
не тут, не тут, не тут, не тут.

Последний историк

Пока жив последний историк,
он должен меня изучить.

Пока жив последний историк,
он должен меня полюбить.

Когда он будет (не будет)
думать о жизни веков,
эти века забудет
каждый кто ныне живёт.

И с какого же света
столько пылающих слов?

Мой последний историк
этого сам не поймёт.

И сидели б мы в чатах вечно

Жили-были на свете чаты,
а в чатах сидели девчата,
девчата наши и парни —
такие гарны!

И вопросов у них было море:
– А есть мировое горе?
– И тонут ли наши подлодки?
Есть. Тонут. (Ходка за ходкой,
за вопросом идут ответы,
слова, как те же ракеты.)

И так сидели б мы вечно,
да надлом пошел человечесий:
забыли, как пишется слово:
– СкуЧно, скуШно?
– Читай ВесЁло! —
так и жили б мы в наших чатах.
/ Но сгнули. 2039 /

автор – Инна Ивановна Фидянина
История наша

А история была такая

Разгулялась история по планете

А история любить нас будет долго!
Смотрю в будущее: вижу, как Волга
впадать устала в Каспийское море,
рассохлись памятники веку Петрову.
Земля свернула с орбиты,
хрустальная ваза разбита
у тёти Вали в подвале,
войны даже мышей достали —
серые прячутся по углам.
— Я никому не отдам
свою родимую демократию! —
шепчет дух партократии,
облетая вздыхающую планету,
которой вроде бы уже нету.

Это прошлое голограммами машет,

о том как землю мы пашем,
как Волга застряла на полпути,
а до царя никак не дойти.
И устаканивается планета в орбите:
нет вазы хрустальной разбитой,
кругом лишь серые мыши,
дома да протёкшие крыши,
которые чинят ребята.
Говорят: «История не виновата!
Виновна во всём тётя Валя,
она намедни украла
чьё-то разбитое сердце.»
Бред? Но от него никуда не деться!
Слышишь, история ходит
и никуда не уходит,
она не уйдёт отсюда
пока Волга ... хрусталь и посуда.

Река времени

Река Времени – это реченька.
Я плясала для вас от печеньки:

от порога от самого дивного,
пела песни былинные.

Сказками дело не кончилось,
стихами писалось, строчилось.
Наложила на себя я, навесила
большую, большую ответственность:
пройтись – никого не обидеть,
накормить, напоить и ответить
за все грехи ваши тяжкие,
маленькие бедняжки вы!
Всё воюете и дерётесь,
матерей да с детьми жрёте.

Ни добра в вас, ни милосердия.
И совесть висит на вертеле
в пустынной, печальной местности.
Да за что ж я несу ответственность?
Брошу я род людской, кину
и далече куда-нибудь двину —
на святую звезду Андромеду.
Я на той планете поеду,
поплыву по Времени-реченьке
и у них запляшу от печеньки:
от порога самого дивного,
путь проложу былинами
для людей в тех краях живущих —

воюющих, жрущих и пьющих.

Я мысли свои косила

Какой невиданной силой
я мысли свои косила
и брала города большие:
город Астрахань, город Акрополь,
город совсем далёкий,
которого нет на планете,
о котором мечтают дети,
город самый красивый,
город самый счастливый
и беззаботный,
где нет графиков плотных,
где поезда уносят лишь в сказку,
где каждый житель самый прекрасный
на свете!

Эх, милые, милые дети,
я такой город разрушу:
не пушу в ваши души

праздность и лень.

Дребедень, дребедень, дребедень.

Я брала города большие
своей невиданной силой!

Я плакала на руинах
и рисовала картины,
картины совсем другие:
метро, работа, забота,
как кто-то спасёт кого-то.

Потом их рвала и топтала.

Чего хотела? Не знала.

А где-то есть Наукоград,
там любой мне будет рад.

Я этот город не возьму,
лишь письма длинные пишу:

«Какой невиданной силой
я мысли свои косила
и брала города большие,
которые мирно не жили!»»

Сто веков назад, я молодая

А история была такая:
сто веков назад, я молодая,
ни печали тебе, ни тоски,
лети себе и лети!

Мой муж ненормальный немножко,
называя меня своей крошкой,
всё тянул и тянул куда-то
к другим мирам во солдаты,
в новые битвы толкая:

«Дерись хоть со мной, дорогая!»

И ни печали тебе, ни тоски,
к новым победам лети!

Мы в новые битвы летели,
песни победные пели
и не возвращались обратно,
а к новым мирам! Невозвратным
войском себя называли,
в дальнюю даль уплывали,
где ни тоски, ни печали.

Начинай, мой милый, сначала.

А история, дети, такая:
сто тысяч веков назад, я молодая,
муж мой и ветер,

ВОТ ОН ТО ЗА ВСЁ И В ОТВЕТЕ!

Прошлое прощается

Прошлое как-то странно с нами прощается:

то навсегда забывается,

то опять возвращается.

Нам от этого лишь икается,
мерещится, кажется, кается.

А когда каяться надоедает,
то снова прошлое забывает

неприхотливый народ

и войной друг на друга идёт.

Мимо памяти проходят события:

дурно пахнут они, не смотрите!

Не смотрите, вы там не найдёте

того, что с собой унесёте

в далёкое далеко далёко.

Боком выходят, боком

прошлых лет междометия.

Столетия проходят, столетия,

столетия плаваются, как металл.

Я за них не отдам
ничего, что мне бы хотелось.

Вот так потихонечку пелось
прошрое, с нами прощаясь,
то уходя, то опять возвращаясь.

Я гляжу в далёкие дали:

– Вы прошрое не встречали?

– Нет, – шепчет ветер.

– Нет! – говорят дети.

– Нет, – океан Эльзы бормочет.

Никто прошрого возвращения не хочет.

И тебе о нём думать не надо.

Бери-ка, дружок, прохладу
и кидай её в море!

Видишь сколько в нём горя:
корабли, корабли и кости.

Из костей ты выстроишь мостик,
и мы по нему пройдем,
что-нибудь да найдём.

Ведь в черепушке каждой две повести:
одна плохая, другая на совести
не людей, а слова простого «прошрое» —
звук пустой, а как печально всё сложено.

А нас всё вроде бы и устраивает

«Поздно, – сказала ворона. —
Поздно писать повесть,
сегодня мы церкви сжигаем,
а завтра взорвём города!»

Но и у пепелища найдётся
какой-нибудь да дурак,
напишет дивную повесть,
как где-то живут не так!
Поздно, ворона, каркать,
поздно – уже горят.
А повести тоже пишут
о том, что везде не так:
не так, как нам бы хотелось,
не так, как нам бы жилось.
А если тебе всё приелось,
то каркай – дело твоё.

А меня всё вроде бы и устраивает

«Поздно, – сказала ворона. —
Поздно писать стихи,
сегодня мы книги сжигаем,
а завтра взорвём мосты!»

Но и у пепелища найдётся
дура, вроде меня,
напишет свою поэму
о том, как светла звезда!
Поздно, ворона, каркать,
поздно – земля в дыму.
Видишь, устала я чёркать
на ветке поэму свою.
О том, как всё, вроде, гладко,
о том, как жизнь хороша,
да как у судеб закладки
рвём и рвём не спеша.
А если тебе, ворона,
приелась такая жизнь,
закрой уши, не слушай звона.
Я каркаю! Ты пиши.

Левый из Петрограда

– Она что, на смерть нарываётся?
– Да, да, смертью всё и кончается,
всё заканчивается тризной,
когда нет уже веры в отчизну,
а наши большие медали
мы глупым врагам раздавали.
Нет, жизни такой мне не надо!
Эй, левый из Петрограда,
ты правого, что ли, обидел —
нож из кармана выудил...

Я всё это проходила,
всё это было, было
и повторяется вновь.
И ещё сто раз повторится.
Ты забыл, Мир в мир не влюбился,
Миру мир не нужен, однако.
Прощай, мой воин, ты в драке
погибнешь. Я старой стану,

кости твои достану
и напишу, как было:
ты победил его —
правого из Петербурга.

Внучка кушает булку,
хлеба на полях сжигают,
зачем-то все едут в Израиль.

Мы больше не будем ждать

Нет, ты больше не будешь
ждать уже ничего,
эти порталы-порты
связь времён, вот и всё.
В стране каучуковой воли,
в стране бумеранго-грёз
не было лучшей доли,
как осколки копить из слёз.
Душа зачем-то держалась,
за что-то цеплялась трава.
Если ты не взорвалась,

значит, сегодня жива.

Может быть и недолго
нам всем тут осталось жить,
но мы собираем осколки
для того чтобы ими бить!

Нет, мы больше не будем
ждать уже ничего.

Зачем-то твердим: «Не забудем!» —
это все, что осталось нам. Всё.

А небо сыплет «подарки»
градом из взрывов и пуль,
мы кровью пишем ремарки:
«Сегодня я умер. Уснул».

Книга каменных веков

Я напишу вам книгу каменных веков,
в ней мало кто будет жить без оков,
в ней день на день ложится.
Кто спит, тому ничего не снится;
кто не спит, тот в оковы влезает.

В этой книге даже господь страдает.

Жалость, помноженная на участие —
вот те маленькое твоё счастье.

Пей его воду —
нету в ней броду,
нет у воды берегов!

В книге моей лишь моря без оков,
без берегов. Без лесов леса.

И длинные, длинные волоса
у царицы Печали.

Её грустить отучали,
а она всё плакала с неба.

И кто бы, где не был,
его накрывали её дожди:

«Дождись, дождись
равенства, братства!»

— Мы в рабстве! —
кричали граждане в небо.

В ответ доносилось: «Небыль».

И века
каменьями ложились пока.

Каменные, каменные века.

И длинные, длинные волоса.

Вот и вся книга,
она не длинна, она дика.

Снова я воин света

Если есть на свете
воины света,
то обязательно где-то
ходят воины тьмы.
И где бы они ни ходили,
их воины света ловили,
ловили и ставили к стенке.
Где те большие застенки,
где томятся воины света?
Ответите вы и за это!

А воины тьмы молчали,
видимо, заскучили
и от скуки плевались только.
Но воинам света не больно.
На то они и воины света,
чтоб ловить летающих где-то
воинов тьмы:
– Что сидишь, поэтесса, пошли

не в кулачном бою махаться,
а в бой великий ввязаться:
в эти новые, новые войны,
от которых тебе не больно,
не больно уже никогда —
такая твоя «звезда»!

И я шла в те бои и билась:
сама с собой материлась,
сама себе письма писала,
сама себе задавала
больные, больные вопросы:
может, всё это бросить,
плюнуть на жизнь и двинуть
туда, где не смогут вынуть
душу мою из тела?
На звезду Андромеду хотела.
Ведь зачем мне, воину света,
разговаривать с воином тьмы?
Говорю, говорю... Нет ответа.
Да пропадом пропади!

Пропадом я пропадала,
да и пропала б совсем.
Но много прошло или мало,
и вот я пишу за всех.

Снова я воин света,
ищущий воинов тьмы,
и если есть они где-то,
то должны за мною прийти,
чтобы к стенке меня поставить
и душу вынуть опять.
Кто-то должен это исправить!
Не хочу об этом писать.

Дули мы детям в спины

Белые бедуины,
чёрные города,
дули мы детям в спины,
казалось бы, навсегда.
Песок уходил в воду,
мозоля злые глаза.
Дети по переходу
шли в чужие края.
Молча солнце смотрело,
лукавя хитрый свой глаз,
чего-то оно не успело,

но это уже не про нас.
Ловко или неловко
в усталые души глядеть.

Дети шли. Мы смотрели.
Им и это терпеть.
Белые пароходы
мелькали где-то вдали,
дети шептали: «Уроды!»
Куда, куда ж они шли?
Памятники Вселенной —
детские эти следы.
Мы их сотрём, несомненно,
куда б они ни вели.
Намеренно или просто,
просто текли года.
Тебя, малыш, тянет к звёздам?
Значит, лети туда!

Не было у них воинов

Началось всё с Египта...

Не было у них воинов,
не было ничего,
были мужчины из племени
и женщины Вам-чего.

Не было у них воинов,
не было ничего,
и поэтому прибывшим воинам
сказали они: «Вам чего?»

Не было у них воинов,
не было ничего,
убили их всех те воины.

Пять тысяч веков прошло.
И теперь уже наши воины,
крепко держащие сталь,
вспоминают прошлых Не-воинов:
– Были Не-воины. Жаль.

И если ты нынче не воин,
ты точно будешь убит.
Времена наступают тяжёлые.
Вспомни тех, кто забыт.

Спи, тебя найдут, себя прославят

Снилось мне, что родилась я на новой планете:
там были герои, рыцари, плакали дети.
Там реки чисты, озёра белы и лужи крови,
бесконечные войны и горы,
голуби, куры, мясо.
Планета Землёй звалась.
Я проснулась от страха.

Не бойся, деваха,
завтра снова в полёт
в бесконечные дебри.
И покой тебе обеспечен:
серый волк возле дома рыщет,
полиция тебя ищет,
медведи в двери ломаются!
Спи, нечему больше меняться.
На этой и той планете
грустные, грустные дети
пускают кораблики в лужах кровавых.
Спи, они сами себя прославят.

Я его у зла не ukrала

Исторически так сложилось:
я влюбилась, влюбилась, влюбилась
в воина смелого, но больного.
Он мне: «Ты к смерти готова?»»

Я ему отвечаю:
«Пока жива и стираю
с совести тёмные пятна:
боль, зло, фашистские латки.
Но они никак не стираются.
Видно, время с нами прощается.
Ты там сильно устал или хочешь
на меня взглянуть? Ну как хочешь».

Он опять мне: «Дура дурная,
спину крутит? Ходи больная.
Ни письма от тебя, ни строчки».
Говорю я: «Строчек не хочет
наша история злая.
Знаешь, она хромая
и горбатая даже.

Мы улетим однажды
в мир свой светлый».

– В поганый!

– Ладно, туда. А правый
тот, кто смеётся после.

У меня к тебе есть вопросы:
ты правда веришь в победу?

– А ты?

– Я к тебе приеду
когда-нибудь, очень скоро.

– Победа будет!

– Да, это здорово! —
и на этом история пала,
я его у зла не украла.

Песочное мыло и сладкая сажа

Мы те века ещё знали,
когда сидя на восточном базаре,
торговали мылом песочным —
торг шёл восточный.

Мылом песочным мы торговали,
и когда мылились им, знали:
грязь уйдёт, песок в воду канет,
а время нас всё равно обманет!

Вот так и текла неспешно
жизнь у турецкого побережья:
песочные часы, песочное мыло
и гарем у султана самый красивый.
Но мы в гаремах тех не бывали,
мы мылом песочным лишь торговали,
торговали мылом, на базаре сидели
и загадочно вдаль глядели.
Там, из-за синего океана
поднималось из-под тумана
облако-рай,
а в нём караван-сарай
на верблюдах несёт поклажу —
сладкую, сладкую сажу.
Куда уж до неё мылу нашему из песка!
Ведь сладкая сажа – мечта.

Неистория

Я историкам писала:
не история нас не прощала,
не история загубила
на корню всю человечинку,
не история во зле тут подмечена.
Не история от края до края
чувство гордости у всех украла,
не история летит, куролесит,
не история по войнам и по мессам!

Не история – теория. А что же?
Не история, а то что много строже,
много строже, много гаже, много злее.
Неистория – она всех веселее,
неистория весёлая такая,
что такое грусть-печаль не знает.
Неисторики лепили эти тропы,
неисторики, а мы у них – холопы.

Сказки и история наша

Сказка ложилась на сказку.
Какие-то злые присказки
вокруг сказок кружились,
в сказки они не сложились,
они сложились в рассказы —
сказочные пересказы.
Ты их понимай как хочешь,
но историю не переложишь:
в истории всё как-то серо,
лишь на подвиги смело
рыцари в бой пускались!
Рыцари не сдавались
и кусали народ голодный:
конный и пешеходный.

Не проходите мимо,
мы разыгрываем пантомиму,
как шут отравил царя!
Вот и история вся.

А сказки кружились, сказки

строили детям глазки.
К сказкам мы их приучили,
на сказках и сами учились.
Сказки – дело хорошее,
в них простая история, сложная,
лишь бы заканчивалась чудесно!
Зайцы, русалки, принцессы,
чудовища и драконы.
Читай, подрастай, мой воин,
чтоб победить царя.
Вот и история вся.

Добро гуляющее

Добро, гуляющее по деревне и городу,
седина и бес ему в бороду,
недобрыми занималось делами,
зловещими мучило снами,
беспросветной накрывало тоской
и податью, как пеленой:
подать нищим, подать в казну,
подать сирым, подать попу.

Добро, гуляющее по деревне и городу,
сединай обеляло бороду,
прикрывало людские похоти,
грехи отмывало от копоти
и складывало в рядок:
грех за взятку, грех за стишок,
грех за убийство, грех за тираду.
— Не надо добра нам, не надо! —
кричал уставший народ. —
Засуньте себе его в рот,
и радости нам не надо!

Покладистая поклада.
Уходило добро... Провожаем,
дела свои обеляем —
выбелили набело.
Бес в ребро! Не надо нам
божьей милости от природы,
Не к добру добро народу,
хорошо и так жить в коем веке,
мы ж не люди, а всего лишь человеки.

Горе разливанное

Когда немного народу,
то это угодно богу,
а если народу дохрени;
то это угодно вере:
мол, всё хорошо у нас будет,
господь про нас не забудет
и природа лаской одарит,
дождями только и вдарит,
а дождей тех будет дохери,
и это выгодно Вени —
спасателю из Дальноречинска.

Плакала ихняя реченька
и просила у неба разлиться,
да так чтоб слезами залился
каждый житель того Дальноречинска:
«Плохая у нас, дескать, реченька,
нехорошая, разливная
до острой боли большая,
а все москвичи — это сволочи,
у них не водится мелочи

на дальние регионы,
они в газ угарный влюблённы!»

– Ну да, – Москва отвечает
и торфом горящим встречает
новый век такой молодой. —
Для помоек недр открой,
мать родная природа!
«Да чтоб вы сдохли, уроды! —
природа злобно пугает
и лысой кроной качает
захеревшего дуба. —
Жаль, нет у меня на вас зуба».
Но зря она так отвечает,
потому как зубы крепчают
у самого светила.
Лишь бы оно не убило!

Будем время ворошить

Будем жить, будем жить,
будем время ворошить,

а во времени песок
лишь сквозь пальцы... Занемог
грозный дядька постовой,
отпахав свой срок. Не мой
вымпел на суку повис.

Я сижу, латаю стих:
«Будем жить, будем жить,
будем время ворошить!»

А во времени стена,
очень прочная она,
туда смерду нет пути!
Ты стихи свои пиши
и не думай о былом.
Вечность в вечность соберём
и рассыплем Землю в прах,
а во всех твоих словах
мы найдём изъян могучий!
Смотрит демон вниз из тучи
и внушает: «Будем жить,
будем время ворошить
и не думать о делах
всдержителей. За страх!»

Рот зашей

Я сидела, зашивала
Ниткой белую свой рот.
Дай мне, мама, покрывало,
я укрою им народ,
чтобы больше не просил он
пирогов и калачей,
чтоб на власть он не гундосил,
говорю им: «Рот зашей!
Рот зашей и не проси,
тихо сидя на печи.
Ты закройся в покрывало,
чтоб тебя я не видала,
не видала никогда!»

Улетит моя душа
в бездну синюю навечно.
Рот зашью там неизбежно
у больной своей души.
Сверху крикну: «Не кричи,
не проси, народ убогий,
калачей, рублей... И чтобы

не орал ты никогда,
напущу я холода!»
Скинь мне, мама, покрывало
с поднебесья. И устало
облетев вокруг земли,
я проверю ваши рты.

Я там, где бой идёт

Не смотри ты на меня, как на историю,
я глаза закрою, акваторию
нарисую на прибрежной полосе,
в свою душу не пущу, иди ко мне!
Не ходи ко мне, не слышь меня,
услышь меня, я скорбь твоя
я боль веков,
месть городов!

Не люби меня, я не твоя,
люби меня,
я мамина и папина.
Никому не скажу, как тратила

свои века на пустоту.
Считай года, а я не тут.
Тут кругом города,
а мои глаза
в древней Руси
где калачи,
где труд и пот,
где бой идёт!

Нет к Истории вопросов

Я историю писала,
говорила: «Всех люблю!»
Я историю писала
чёрным мелом на полу.
Ах, какая история получалась:
в ней добро совсем не встречалось,
там, хорошо или плохо,
но каждый из нас прохлопал
в её движущей силе участие.
– Непричастие, непричастие! —
гудит история паровозом,

и нет у людей к ней вопросов.

Разговор с антиПризраком

антиВремя антимашет
антиАнгела крылом,
антиПризрак антипляшет
и кричит: – Антиумрём!
Анти-анти-анти-анти,
антураж, такой уж век.
В этом веке был бы с нами
анти, антиЧеловек.

Ну вот и всё. Моё сердечко
расщепилось на куски,
потому что на крылечко
села тень антиТоски
и сказала: «Как же скучно
кушать ваши пирожки!
Ты б взяла, подружка, ручку,
разорвала на куски
эту пыльную планету

бойкой повестью своей!»

Я вздохнула: «Конец света,
не пишу я повестей».

Не писать бы ни о чём и никогда

Не писать о счастье в кои бы веки!

Да странные рождались вокруг человеки:
чего-то им не хватало.

И у них большое хватало
отросло до самого неба.

Хватай звезду и ко мне бы!

Так нет же, звёзд было им мало,
о счастье души кричали!

А где я его вам встречу?

Пишу стихи и перечу:

– Не в счастье вовсе отрада,
которая за оградой,

а где-то совсем близко, близко.

Зубы, смотри, не истискай.

Разделили всё человечество

А нам с вами делить больше нечего,
разделили всё человечество
на четыре равные части.

Одна часть была безучастной,
вторая часть равнодушной,
третья вовсе бездушной,
а четвёртая никому не нужной.

Вот эту не нужную часть
и постигла злая участь.

К этой части относимся мы.

Бесполезно строить друг к другу мосты,
по ним уже ходят другие:
вроде бы неплохие,
но бездушные,
безучастные и равнодушные.

Их больше
и нервы у них потолще,
в общем, они красивее,
потому что мудрее:

никогда под пули не лезут.
Они никуда не исчезнут!

А нам с вами делить вовсе нечего,
ведь разделили всё человечество.
Хотя ... нетронутым оставили небо.
Вот до него и бегай!

Дальше неба нет в небо дворцы

Пора покидать планету,
когда денег в кармане нету,
проблемы всю плешь проели
и жениться вы не успели.
Пора улетать куда-то,
если жизнь похожа на вату:
каждый день на работу,
а с работы домой неохота.
«Пора, пора!» Ай, лети уж!
Лети, потому что хуже,
хуже уже не будет.
И пусть тебя быстро забудет

родня, коллеги, начальство.

Прощаясь: «Прощайте, прощайте!» —
не махай. Мы тебе не помашем,
мы тихо в кровати ляжем,
а проснувшись, ещё кого-нибудь потеряем.

И вспоминая вас, не поминаем,
а представляя, не представляем,
как где-то там, на каком-то там небе
инопланетяне покидают планеты,
потому что они устали:
ведь денег им недодали,
проблемы их шибко заели,
жениться они не успели,
потому что жизнь их, как вата,
а новая жизнь не зачата,
лишь старичьё доживает
и друг друга, кряхтя, ругает.

И некуда, некуда деться!
Дальше неба нет в небо дверцы,
дальше неба небес не бывает.
Пусть каждый из нас доживает
какую-то жизнь распоследнюю:
богатую или бедную.

И улететь не мечтайте,
там всё то же самое, знайте!

Улетала душа – метель просила

Улетала душа, не просила хлеба,
улетала душа, просила снега,
снега просила лютого:

– Пусть мою душу укутает,
и забуду, что было со мною,
с душою старою, не молодою.

Улетала душа, однако,
и не просила злата,
а просила метелью укутать,
чтоб уснуть хоть на минуту —
забыть одеяла да тряпки,
гвозди, войны, домашние тапки
и избавиться от кошмара:
«Чтоб мне ни дали – всё мало!»

Это было, так я погибала,
и погибая, знала:
снова рожусь, буду думать

о еде, серебре... Засунуть
мне б это всё между рёбер,
гвоздями прибить, и чтобы
я навсегда забыла
в каком веке «добро» я любила?

Где ты молодость, честь и совесть

Стар призывал млад к чести,
сам прожив как? Неизвестно.
– Где ты Молодость,
где ты Честь, где ты Совесть? —
бесконечно будут долдонить
прожившие жизнь не в чести
непонятные старики.
Была молодость и уж нету,
совесть к ответу
устала их призывать,
а на честь вам и так наплевать!
Молодость, Честь и Совесть
в бою и в огне, вот повесть!
Ищите-свищите по свету

повесть заветную эту.

А пока Молодость, Совесть воюют,
Честь с нами ещё поворкует:
– Бессмысленный поток слов!
Обманываться ты готов,
старый-престарый старик,
что ж ты к морали приник,
когда тебе, вроде, поздно
строить мосты к ярким звёздам.
«Наверное, поздно», – вздохну я,
но я ещё повоюю,
старыми погремлю костями,
лягу тяжкими повестями
на бессовестную планету.
Здравствуй, Молодость, кану я в Лету.

Медведи из Википедии

Медведи, летающие над Википедией —
нашей любимой энциклопедией,
пролетая над странами и историей,

пересчитывая всех воинов,
отпускают нам наши войны —
медведям не больно!
Ведь медведь – это просто туча,
медведя совсем не мучают
неподъёмные эти распри,
медведю и так прекрасно
парить над Википедией —
нашей любимой энциклопедией.
«Ничего (говорят они) страшного,
странички красочно разукрашены!»

Коротко

Позапрошлые люди,
никому от них горя не будет
и счастья не будет тоже,
и толку ничуть. Ну и что же.
Позапрошлые наши люди,
«жаря внуков на блюде»,
как-то по-доброму улыбаются,
и жизнь вспоминая, не каются.

* * *

Никому не будет больно
в мягкой совести своей.
Отчего ж так сердцу вольно?
Надо сжать его скорей!
Не дышать – пускай не бьётся,
может, станет веселей.
Если радость рекой льётся,
значит, совести теплей.

* * *

Невезучие мои соплеменники:
невезучие я и ты!
Покупая на рынке семечки,
заглядываем в штаны
продавцам, обещающим праздник,
сулящим рай на земле.
Смотри, очередной безобразник
уж загадил наши умы!

* * *

Какая маленькая душа!

Такое огромное тело.
Пела душа, плыла...
Тело старело, скрипело.
Тело хотело есть,
ну а душа орала!
И если на свете есть честь,
то её тело попрало.

* * *

Не смотрите, люди,
ничего не будет,
потому что мой отец
ненавидел этот свет:
реки, горы и моря —
всё история моя.
Не смотрите, люди,
мира вам не будет,
потому что мой отец
был и вовсе молодец —
не ходил за мной кругами,
а говорил: «Да и бог с вами!»

* * *

Не было на земле Печалей.

Налетели вдруг, раскричались,
раскричались аж свет затмили!
И если б их не убили
совсем другие Печали,
мы б до сих пор скучали.

* * *

А ведь есть где-то город богов,
где никто никогда не умер,
где никто никогда не умрёт.
Что люди? Всего лишь куклы
в руках тех, кто им врёт!

* * *

Разбросалось счастье золотое,
по копейкам собирая серебро.
Если ты не знаешь сколько в мире горя,
то оно найдёт тебя само.

* * *

На улице была осень.
И за это с природы спросим:
– Почему на дворе не лето? —

ОТВЕТИТ ОНА И ЗА ЭТО.

* * *

Никуда не денется
природа сама:
раздвинется и разденется —
это закон бытия.

* * *

Вот и бегай теперь – ищи
бел свет, добрую зиму...
А я в мир ваш камень кину!

* * *

Даже когда весь мир рушится на твоих глазах,
и ты умираешь вместе с ним,
то надо говорить себе:
– Гибнет мир моего врага! —
и так протяжно. – Ха-ха...

* * *

Знай, на смену командирам

вырастают командармы!

Это вам не финтифлюшки,
а История сама.

* * *

Чтобы зло нас больше не мучило,
мы собьёмся в большие кучи!

* * *

Народу – побольше терпения
и певческого настроения!

* * *

Люд не кошка,
отлежится и наполнит лукошко.

* * *

Танцуй да пой,
пока твой друг Армагеддон.

* * *

А лишнего нам знать не положено —
у нас и так судьба красиво сложена.

* * *

На кого бы я Русь ни повесила —
последствия я не взвесила.

* * *

Народ хочет кусок хлеба всем ... одинаковый.
— Да кому он нужен такой народ!

* * *

Люди уже давно знают правду.
Но люди знают и другую правду: им с ней жить.

* * *

Боролась я, дева красная, с властями.
Боролась, боролась и выборолась!

* * *

Лишена иллюзий на счастливое общество.

* * *

Политикам: «Ну да, ну да, ну да...»

* * *

Всё проверено – зла немерено.

Любовь на дне колодца

Говорила б я с вами

Я живу в зачарованном доме,
там же живёт моя кошка,
мёртвая кошка... немножко.
Тут же горшок с цветами.

Говорила б я с вами
о любимой себе бесконечно,
но зачарованная квартира
дверь открывает. В вечность
сразу же попадаю,
а там говорю: «Бог с вами!» —
ведь я попадаю в вечность.

Руби, батяня, скворечник
и сразу же поджигай!
Да лихом не поминай,

я уже иду за тобою
к мёртвому, мёртвому морю.

Хоронила я мужа

Хоронила я мужа, закапывала
тридцатью лопатами закидывала:
лежи родной, не подымайся,
дыши мой милый, не сдавайся!
Ах ты, чёрт окаянный
належишься, встанешь первозданным.
Просыпайся, чего разлэгся!
И пошто тебе не встаётся?

Не поётся, не пляшется,
в кулачном бою не машется,
с девками не гуляется.
от чего душа твоя мается?
Пойди-ка, пройдишь по воле:
поищи-ка ты лучшей доли,
кресты на могилках потрогай.
Поймёшь какой ты убогий.

Не у бога забрали забрало,
я твою жизнь украла
да на себя повесила.
Самой красивой невестою
разгуляюсь на новой свадьбе
Чёрт придёт: «Эх, украсть бы!»

А ты полежи, подумай,
раз ты у нас самый умный.
Но думать ему не хотелось.
А жизнь колесом вертелась:
в поле, с поля, до хаты,
и кругами ходит чёрт горбатый.

Как же скучно в автобусах жить

А я в автобусах скучаю,
ведь шофёр не нальёт мне чаю
и место своё не уступит.
Он взгляд напряжённый потупит,
когда я спрошу его: «Знаешь,

никогда ведь не угадаешь,
когда гаишник умелый
помашет тебе черно-белым
и пригласит поздороваться —
чай попить, постоловаться.»

Мне скучно с тобой, водитель:
ты не руководитель,
не президент, не бог.
Слышишь, мотор заглох,
приходится выходить:
– Может, пойдём чай пить
и разговаривать по душам
о грибах, рыбалке... Я дам
тебе номер своего телефона.
Звони в рай, ответит Зубкова.

Я вчера изменила судьбу

Она никуда не ходила,
она никуда не пойдёт,
но какая-то сила,

толкает её вперёд!
Я никуда не ходила,
и никуда не пойду,
но какая-то сила
всё тянет меня в беду.
Зачем (говорю я силе)
толкаешь меня на путь?
– Не я (отвечает сила),
тебе не в силах свернуть.

Да, я знаю, на свете
есть судьба – не уйти!
Но я сделала это,
(пуля-дура, прости):
вот, железной рукою
стёрла все письма.
Не оратор я больше,
но от смерти ушла.
И теперь я лишь человек —
меньше пылинки самой.
Ну здравствуй, серая Вечность,
ты сегодня опять не за мной.

Устала я

Предпоследние денёчки
между миром и войной.
Напишу ... одни лишь точки
между мною и тобой.
Вот хожу, считаю правду:
сколько в мире было зла?
Всё пусто, несправедливо.
У меня болит спина.
Ничего уже не свято,
кроме этих островов.
Я не клята и не мята,
просто мало в мире слов.
Я не верю в наше счастье,
у меня ведь нет и платья,
нету у меня и слёз,
а без слёз ты не возьмёшь.
Всё, прощай! Письмо ушло,
в душу снега намело,
я любила острова
и немножечко тебя.

Это милому письмо.
Не смотрите, что оно
не любовно и не свято,
так, в преддверии утраты.

Любовь на дне колодца

На дне колодца лежала любовь.
Я её вновь и вновь
не поднимала:
боялась испугнуть, ведь немало
её от меня улетело.
Вокруг колодца несмело
я кругами ходила,
внутрь заглядывала, отходила.
А дома уже подумала:
«Какая ж я все таки умная —
каждому Антошке
досталось от меня понемножку!»

И вот последний Антошка
не очень то и рассердился,

когда от меня удалился.

Я вздохнула свободно:

вот она, ваша любовь – проходит!

Проходящая любовь проходила,

я сама себе тихонько говорила:

«Какая девочка я разумная —

не прыгнула, как полоумная

на дно непростого колодца!»

Ну почему же прыгнуть так хотца?

Вспоминая детство

Всё было уже неважно,

потому что кораблик бумажный

запускается молча.

Песня вдали не смолкла.

Пропавшие дети рыдали.

Их с корабля как бы звали,

но звали совсем недолго.

Так и ушёл по Волге

тот теплоход бумажный.

А кто-то самый отважный
пойдет в дом, оторвёт бумаги
сложит корабль и отваги
ему будет не занимать:
«Плыви, тебя не догнать!»

Вот так мы и жили:
кораблики молча плыли,
сверкала в небе луна
пропащая такая сама.
И всё уже было неважно,
был бы рот у матери напомажен,
а в руках у отца лопата.
Жизнь как жизнь, но горбата.
И весёлые игры у Инки —
родительские вечеринки.

А ты, мой кораблик, плыви,
у тебя ведь всё впереди,
в отличие от меня.
Всю жизнь промолчала я.

Я одна с кошкой и чаем

А дома одной
хоть волком вой!
Кабы не дела,
сошла б с ума.
Вот день прошёл, другой проходит,
ко мне никто не приходит,
щи, СМИ и кошка.
Повышиваю немножко:
в паутине всемирной запутаюсь,
от своих думок намучаюсь.

Вот и третий день прошёл,
никто в гости не пришёл,
телевизор, facebook:
друг, друг, друг, друг —
у меня друзей
да с разных волостей!
Рада я друзьям, как дура!
Толстеет сидячи фигура,
жирнеет кошка.
Чай попью совсем немножко:

литр, два, три...

Женихи не подходи!

Я тебя недолюбила

Мы совсем не виноваты
в своей жажде бытия.
Вольно, вольно иль невольно
погибаем. Всё не зря!
Длинноногими шагами
мы идём куда-то вдаль,
длиннорукими умами
загребаем – что не жаль.
А ты нарисуй мне бой
самый кровавый такой,
и я в том бою тону.

Затеяли мы игру
из непролазных мечтаний,
встреч, побед, расставаний.
Зачем же нам так сгорать?
Ты положишь меня на кровать

и мы вместе уснём.

А ночью сгорю я огнём
нашей ненависти и любви.

Я на небе, лови приветы мои,
и спеши ко мне, милый!

Я тебя недолюбила.

Когда ветер на свете кончается

Я на лодочке вдаль уплывала,
уплывала я вдаль и не знала,
что кончается ветер,
кончается ветер
на всём белом свете.

А когда ветер кончается,
никто на пути не встречается,
никто на пути и не встретится,
ведь лодка больше не вертится,
не вертится моя лодочка,
стоит, никуда не торопится.

А как стоя стоять устанет,

так потонет. Никто не узнает,
что плыла я по морю синему,
по попутному ветру сильному.
Но ветер на свете кончается.
Недолго осталось маяться,
недолго осталось мучиться.
Безветрие – не попутчица,
безветрие – бесприданница.
Вы не знали, а я изгнанница.

То что я икона, не признаюсь

На меня, как на икону, не смотри.
У иконы много плесени внутри,
на иконе много гало-волокну.
Я такую никогда и не была.
Я такую (пыль сдувать) не стала,
прожила лет сорок и устала.
Вот, уставшая живу ... Нет, прорицаю:
что нас в будущем всех ждёт – не знаю.

Не смотри ты на меня, как на икону.

Я в мужской любви совсем не тону,
не тону в руках, в губах – не надо.
Я и так сама себе – прохлада.
Прохлаждаюсь я голодная и злая,
всех бы на пути перекусала!
А на самом деле, улыбаюсь.
То что я икона, не признаюсь.
Не признаюсь я, что пыль с меня не сдули,
гало-волокно не натянули,
как простые нервные волокна.
Я устала, взгляд мой – поволока.

Её награда – принц на белом коне

Она никого не боялась,
она скрывалась от всех,
и поэтому не зазналась,
когда пришёл к ней успех.
Успеху она была рада,
она была рада «звезде».
Где-то там ждала и награда —
принц на белом коне.

Страшный принц, даже жалкий —
ну уже какой есть. Падкий
«свет» или не падкий,
главное, что в руках он весь!

Недалёкие жили люди,
но от неё далеко.
Быть ей с ними? Не будет.
И это, и то – нелегко.
Она никого не боялась,
она боялась всего.
Но кому бы она ни досталась,
с ней тому будет легко!

Тихо душа уходила

Если на свете ни жарко,
ни душно, а просто никак,
значит, вас уже нет тут,
вы дух, вы призрак, пустяк.
Тихо душа уходила.
– Ты куда? «Не вернись уже».

– Постой, ты что-то забыла!
«Совесьть? Она при мне».

А на свете было и жарко,
и душно, и холодно так!
Солнце светило ярко.
Я шла на работу (пустяк),
говорила, ждала чего-то,
как будто смерти самой,
вглядывалась: где врёте
совести светлой самой?
И болела завистью чёрной
к той ушедшей душе.
Одно радовало – её не запомнят,
но будут рыдать обо мне!

Твоя королева

И куда бы ты ни пошёл: направо или налево,
кругом только она одна, твоя королева.
От неё некуда деться!
Ты не можешь даже раздеться

без её обжигающих глаз.
Вот смотрит она сейчас
и думает думу дурную:
«Он меня не достоин, я его не ревную!»

Королева из твоей жизни уходит.
Но разум твой бродит
в поисках её глаз:
«Ну где же она сейчас?»

А она неторопливо
очень красиво
рассекает другую планету.
Смотришь ты по углам: нигде её нету.
Нет королевы, может быть и не надо.
Ведь с тобою твоя награда —
глаза её на фотографии
пронзительные глаза, почти порнография.

Инна-арлекина

Ничего не будет свято,

кроме совести твоей.
Нет, не простыни измяты,
просто надо быть смелей!
Ведь никто тебе не скажет:
«Как разделась, так лежи».

Рот твой сильно напوماжен
и гвоздищи из груди.
Молча смотрит арлекино
на нескромный твой наряд:
дуло в плечи, дуло в спину.
– Нет, с такой опасно спать!

Будет Инна арлекином,
арлекиною сама:
дуло в плечи, дуло в спину
и усталый свой наряд
тихо снимет,
раскричится на бумагу и перо!
Подойдёт друг и поднимет
её тело всем назло!

Надо мне туда, где нет морей

Надо мне в большие города,
нужно мне туда, туда, туда,
где поэт поэту – друг и для меня;
где нет нефтяников, военных, рыбаков
и дядек с топорами – лесников;
где сумасшедшие художники живут,
а режиссёры нам не врут, не врут, не врут!

Надо мне туда, туда, туда,
где не ходят эти поезда,
пахнувшие тамбуром в купе,
где метрополитен уже везде;
там умру я без своих морей,
без лесов, медведей, глухарей;
и воскресну, как поэт-звезда!

Люди, бросьте ваши поезда
и лесами засадите города,
а морями заливайте острова,
чтобы было мне комфортно и легко
там, где ждут меня давно, давно, давно.

Берегись меня, родня

Не жила я у вас нежилою,
не была бы я небылою,
не было б меня и не надо,
да разрослась в огороде рассада,
рассада вишнёвого сада.

А раз рассада пробилась,
значит и я прижилась,
прижилась я тут, вот и маюсь:
лежу не поднимаюсь.

И когда поднимусь, не знаю,
потому как встав, поломаю,
обломаю все ветки из сада,
подопру я ими рассаду:
расти, вырастай рассадушка,
буду тебе я матушка.

А что касасемо сада,
то нам чужих вишен не надо,
у нас лук, свёкла и морковка.

Берегись меня, родня, я мордовка!

Позитивное по просьбе читателей

Из печали рождалась печалька:

те года, эти... Не жалко!

Нет, я не спорю,

счастье есть, оно где-то летает:

улета-улета-улетает!

И оно меня не заденет,

а оденет, потом разденет

соседку Таню и Глашу

и нашу (не нашу) Машу.

А я сижу да скучаю:

зачем мне так много чаю,

почему я дурную кошку

разглядываю у окошка?

Ведь на этой и той планете

не рождались бы дети,

если б мамы не раздевались,

а потом одевались

и слёзы лили в подушку.
Господи, жить то как скучно!

Жить мне осталось недолго

Кто сказал,
что жить мне осталось недолго?
Ведь между рекой Енисеем и Волгой
океан твоей и моей мечты!
Я сегодня не там, где ты.
И завтра с тобой не буду.
Знаю одно, не забуду
вдаль уходящее небо
и то, как со мною ты не был.

Хоть и не было ничего в нашей жизни,
необычайным сюрпризом
улетает вдаль одиночество.
Какое, мой милый, отчество
у тебя в этом веке было?
Я за давностью лет забыла.
И кто сказал,

что жить мне осталось недолго?
Помню, не было Енисея и Волги...

Полетела б я душой до того света

Заболела я душой, захворала:
не пила, не ела, не писала,
а пошла гулять по белу свету:
где добро живёт, а где и нету.
Заглядывала я в больные души,
нашептала слов в чужие уши;
в оголтелые глаза глядела,
ничегошеньки я в них не разглядела:
кому рубль, кому два, а кому надо
дом, дворец и сад с золотой оградой.

Посмотрела, плюнула на это дело
и на родину родную полетела.
А на родине лебёдушки да утки,
серые дома, пустые шутки.
Разболелась телом, расхворалась:
о несбыточном каком-то размечталась:

полетела б я душой до того света,
но писала письма. Жду ответа.

Вольница

Вольная вольница
по полю гуляла,
вольная вольница
что смогла, украла:
дом сгорел, в чужой неожиданна.
Гуляй нищенкой, Иванна!
Ивановна, Иванна
в жизнь твою незвана
голяком припёрлась,
мочалочкой обтёрлась,
развалилась и лежу:
много ль деток нарожу?
Рожу, нарожаю
и век весь не узнаю,
что такое вольница,
вольница-привольница —
то ли жизнь, то ли смерть,

и доколь её терпеть?

Смелая я, однако

Смелая девочка, смелая
на белом свете жила,
смелая девочка, смелая
по острому лезвию шла.
Но шла так осторожно,
что понять было сложно:
боится упасть она что ли,
иль не в её это воли —
слезть с наточенного острия?

Шла безвольная я
по крайнему краю:
то ли болею, то ли не знаю,
что ждёт меня кто-то.
Кто ты, милый? Забота,
одна забота:
с высоты не свалиться.
Не упаду,

я успела влюбиться!

Увезите меня в края таёжные

Не дружите со мной, не играйте,
и в друзья меня не добавляйте!
Потому как не ваше дело,
что мои пироги подгорели.
Не накрашенная я сегодня,
и хожу, как дура, в исподнем.
Не смотрите на меня, я плохая,
а с утра вся больная-пребольная,
злая, голодная, не поевши,
на бел свет глядеть не захотевши.

Не дружите со мной, не дружите!
Поскорей отсюда заберите,
увезите меня в края таёжные,
где избушки стоят молодёжные,
пацанятки гуляют скороспелые
и девки с топорами несмелые.

Мой нынче ответный ход

Я провокатор судеб,
я провокатор сердец!
Если меня осудят,
то добра больше нет,
нет добра на планете,
оно ушло навсегда,
потому что на свете,
лишь одна я чиста.
Нет меня чище, и это
не пустые слова:
видишь дыру в пространстве —
это и есть дела
все мои и поступки,
от которых так стынет кровь
у надзирателей. Шутка?
Мой нынче ответный ход!

Поиски моей жизни

Кто с ней был? Только море.
Кто с ней жил? Только лес,
да мистер Твистер, который
в старую книжку полез.

Мистер Твистер наденет
на бумагу перо
и сто точек наметит:
«.....Это её ремесло —
водить пером по бумаге,
расставляя на место слова.
И кто бы её ни гладил,
у неё болит голова.»

Кто с ней был? Только море.
Кто с ней жил? Только лес.
Шли поиски моей жизни.
Ты ищи! Я пишу полонез.

А вдруг я самая умная

Посижу, погрузу, подумаю:
а вдруг я самая умная?

Но что-то со мной не махаются,
не ссорятся и не ругаются.

А посему понять невозможно:
загадочная я или сложная,
корявая или складная,
видная иль неприглядная?

Посижу, погрузу, подумаю,
думу такую надумаю:
как ни крути, ни верти,
а замуж зовут, так иди.

До чего ж я мудра, однако!
Хотя ... назовут разве браком
дело хорошее?

Нет, я всё-таки сложная!

У меня умерла кошка

Я скоро, конечно, стукну
по столу кулаком.
Всё что было со мною —
это лишь сон дурной.
Даже если любимая кошка
сегодня уже мертва,
я промолчу об этом,
потому что мои дела
никого не волнуют,
даже природу саму.
Спи моя кошка спокойно,
скоро и я усну.
Не подходи, я сегодня
очень серьёзно больна.
Боль от тебя. Боль от кошки.
Боль стучит кулаком. Не ушла.

Жизнь на планете кипела

Странное было дело —
жизнь на планете кипела,
кипела и не сдавалась.
Я в электричке мчалась
и думала: «Странное дело —
жизнь на планете кипела.
И кому это нужно,
чтобы мы жили дружно
и никогда не болели?»
В вагоне народную пели.

Да, странное было дело,
я никуда не успела,
а может быть, не хотела.
Так думала я, засыпая,
и век шёл какой – не знала.

Плакала девушка

Плакала девушка горькими слезами!
Мокрыми глазами, белыми словами
горю не поможешь, прошлое не сложишь.
«Ты меня не бросишь, ты меня не кинешь?»

Он уйдёт, не спросит, не кивнёт, не обнимет.
В его чёрную спину: «Вернёшься?» А он сгинет.
Он тебя не обманет, всё как было оставит:
твои девичьи слёзы под ноженьки себе бросит —
перешагнёт, растопчет. Он ничего не хочет.

Плакала девушка горькими слезами,
белыми губами шептала:
– Как больно, будто мама в детстве побила.
– А мать тебя также любила?

Кораблик бумажный

Пускай все думают,
что я умерла, неважно,
потому что кораблик бумажный
запускается молча.

Где те волки,
что перегрызли мне горло?
Я не смолкла,
мой голос – мои же руки,
которые едят и едят без скуки
эволюцию нашего мира!

Я б помирила полмира
своею бравадой.
Ах, о чем вы, о смерти?
Не надо.

Так люблю я Ивашу или нет

Люблю я Ивана иль нет (гадаю)?
А сама на сносях и не знаю:
замуж ходить или нет?
И никто ведь не плюнет во след!
Вот если бы поплевали,
то сразу б мы поскакали
венчаться в сельский совет.

Так люблю я Ивашу иль нет?
Говорят, нынче модно одной.
Но ходит Иван холостой,
а значит, жених завидный,
и будет мне очень обидно,
если он женится на другой.
Тьфу, с ума меня свёл, дурной!

Мальчики, которых не забуду

Эти мальчики, смотрящие устало
на мои молчащие уста.
Я сегодня что-то не сказала?

Я наверно, очень молода!

Эти мальчики, смотрящие устало
на неповторимое чело.

Я всегда глядела, вроде, прямо.

А намедни просто понесло!

Эти мальчики. Нет, вас я не забуду!

Каждого в уме переберу.

И назло судьбе сильнее буду,
потому что мимо них пройду.

Не давалось счастье

Мне никак не давалось счастье,

я искала его, но «здрасьте»

говорили какие-то люди.

Вечность этих людей забудет

и выстроит новое племя!

Я везде искала и бремя,

но никому нет дела

умерла я или сгорела.

А я всё поисках билась:
на небе я или влюбилась?
«На небе, на небе счастье!»
Я и туда со стихами. Здравсьте!

Я победительница

Я победительница траурных шествий,
мой ласковый, ласковый бред
никогда не жил без последствий.
Что ты ел, сынок, на обед?
А я короля и капусту,
попа и церковный шпиль
и даже тролля за печкой
(чем мне он не угодил?)
Я зареклась бороться
и уходила в тень.
Но эти шествия траура
зовут меня по сей день.

Красавица да чудовище

Красавица и чудовище вместе не будут —
помечтают друг о друге и быстро забудут:
она не шлюха, он не герой,
им вместе не быть. С собой
унесёт он обиду.

Она облегчённо вздохнёт и виду
не подаст, что когда-то вздыхала,
ведь героев на свете немало,
и каждый из них сидит в клетке.

Ты тоже взаперти, детка.
А чудовища прут по воле!
Они лишь зло и не боле.

Как я смерти завидовала

Позавидовала я смертушке,

смертушке-коловертушке.
Села, дни свои посчитала:
да зачем я деток нарожала?
А за детками внуки пойдут —
умереть мне вовсе не дадут:
внуки правнуками завалят.
А снег всё валит и валит.
Я б до смертушки побежала,
но чего-то вдруг захворала:
захворала, лежу – не бежится.
Сильно смерть на меня матерится?

Много ль нам надо

Много ль нам, женщинам, надо?
Холодный букет из сада,
тёплое прикосновение,
весеннее настроение!
И миллион улыбок,
немножко женских ошибок,
целую кучу прощений
да солнечных стихотворений

от заезжих поэтов
и приветов, приветов, приветов!
А ещё нам, женщинам, надо
Весь мир зачем-то в награду!

Ты об этом не пиши

Нет на свете господина
(говорила людям Инна),
нет на свете госпожи!
«Ты об этом не пиши!»
Не пишу, не пишу, не писала б,
если б сердце мое не страдало,
если б не было голода на свете,
если б все здоровы были дети.
Не пишу, не писала, не буду,
и о вас, люди добрые, забуду!

Напиши нам письмо

«Напиши нам, девчонка, письмо:

как живёшь, какое бытё,
в каких городах побывала?»

Нет, писем писать я не стала.

И вглядываясь в наши лица:

ну, кто тут сумел не спиться,
кто живой тут остался,

в тёмных краях не сдался?

В фото глядим друг на друга,
понимая, жизнь – это мука!

Январь молодой не пускает меня никуда

Я скоро стану звездой,

потому что уже пора!

И плевать, что январь молодой

не пускает меня никуда.
Ведь январю не место
рядом со светлой невестой.
То ли дело, январская вьюга
так и ложится на руку:
«Выходи да гуляй, родная,
безвестная в сорок лет, молодая!»

Заберите меня с собой

Обнимите меня, обнимите
и с собой поскорей заберите!
Но не надо меня заставлять работать:
суп варить, стирать, чистить боты.
Я к физическому труду непривычная:
не какая-нибудь штучка столичная,
а сахалинская девка бойкая, смелая,
на рыбе отъезтая, белая!

Никому не нужна ты такая

Покатилась беда горошком.
Ну что ты смотришь в окошко,
зачем душой своей маешься,
кому улыбаешься?
Плюнуть пора и забросить,
никто о тебе и не спросит,
никому не нужна ты такая
красивая, молодая!

Душой раздеться

Не жила бы я нежилою,
не ходила б я небылою,
а печальная бродила по свету —
все искала свет... А его нету.
Выплакала все свои слёзы.

От слёз моих появятся грозы,
и ручьи потекут – некуда деться!
Остаётся одно: душой раздеться.

Коротко

Укажите мне на место,
место рядом с женихом!
Будет там нам очень тесно
сидеть с невестой. Я плечом
оттолкну её легонько,
прижмусь поближе к жениху.
Нет, не буду больше Сонькой —
сегодня замуж выхожу!

* * *

Знаю я как лечить нервы:
надо срочно встать с постели
и пойти куда-то думать
с непокрытой головой,
и тогда к тебе собаки

обязательно сбегутся.
Несомненно, это лучше,
чем всё время быть одной!

* * *

А не надо сразу много
выставлять своих изъянов,
потому как есть надежда
повстречать кого-то близко
и отдаться вот так просто —
пущай завидует народ!

* * *

Не бывает так и сразу —
просто, запросто жениться,
потому что будут дети.
Знаю я как это тяжко
в толсты жопы целовать!

* * *

Ну и что ж, что девки пляшут,
одинокو расставляя
вокруг деревни колья.

Никому я не отдам
Сахалин, Приморье!

* * *

Я сахалинская девка бойкая:
то лежу, то сижу, то на койке я.
На себя давно рукой махнула:
– Стану яркой звездой! – вздохнула.

* * *

Заболела я родиной, заболела,
не смотрела на неё я, не смотрела,
не смотрела и смотреть не собираюсь,
потому что умереть где – выбираю.

* * *

Миллион парней усатых
ходят по планете.
Не смотри на них, не надо!
А то будут дети.

* * *

Я сегодня проснулась звездой,
я сегодня вдруг поняла,
что где-то ходит мужик холостой,
а я до него не дошла.

* * *

А чтоб по Родине Руси
красной деве не пройти —
дороги ваши проконтролировать.

* * *

Хороводы хороводить, огороды городить,
но если есть на свете мода, то по ней и надо жить!

Торговала я планетой

Тебе зиму, ему лето

Торговала я планетой:
тебе зиму, ему лето.
Торговала я едой:
тебе кашу. Мне ж в пивной
пенку пенную от пива,
чтобы я была красива,
чтобы я была полна
снегом, ветром, и одна
засыпала, просыпалась,
говорила, улыбалась —
всё любименькой себе
да мерцающей звезде.
Проверяла я себя
на лето, зиму. А весна
улыбнулась: «Ну, встречай,
наливай мне, дочка, чай,

да продай уж всё на свете:
кошку, мужа, дом.» Но дети
посмотрели и сказали:
– Мама, как жила в печали,
так и дальше будешь жить,
и не надо ворошить
на планете лето, зиму.
Зыбь – не сон, а пелерина,
ей накройся и сиди
да стихи свои пиши.

Торговала я планетой:
ему зиму, тебе лето.
Торговала я едой.
Рот закрой, иди домой.

Замуж я за Пересвята

Бойтесь, люди, пересуда,
Перегуда, Пересвята.
Бойтесь, люди, душегуба,
Троекура, партократа.

Бойтесь, люди, бояться;
и не смейте смеяться
над моею обидой великою:
ведь кого на Руси ни покликаю,
никто ко мне не кидается,
народ на зов не собирается.
Видимо, нет во мне силы.
Открою-ка рот я пошире
и позову Перегуда:
– Гыть, Перегуд, отсюда!

Гыть, а он не уходит,
все рядом орёт да ходит,
ходит и ходит кругами.
Боялась бы я вместе с вами
всех Переглядов на свете,
да выросли мои дети
и закончили школу.
Теперь с Троекуровым спорить
старую мать заставляют.
А я и не спорю, я знаю,
что от пересуда
не спасёт душегуба простуда,
не затмит партократа награда.
В общем, замуж за Пересвята
собралась я, добрые люди.

А чего ору? Не убудет!

Рисовала я сегодня

Я сегодня рисовала
очень древнее чело,
я, конечно, не узнала
чьё оно? Нет, не моё.
Я сегодня рисовала
сердцу милое чело.
Говорят, что небо пало.
Мне и правда, всё равно.
Плохи эти ваши мысли
о разбитом серебре!
Мне, наверно, показалось,
что сидит оно во мне,
рассыпаясь на осколки,
мелкой проседью во лбу.

Я сегодня рисовала.
А кого? Нет, не пойму.
Серым просветом гуляет

непокорная быль-соль,
никому не позволяет,
стиснув зубы, крикнуть: боль!
Я сегодня прокричала:
ах, как больно, больно! Не,
тут же мне чело сказало:
«Я древнее, боль во мне».
Рисовала, рисовала
очень древнее чело.
Нет, его я не узнала.
Ты мой муж? Мне всё равно.

Меня стали на улице узнавать

Меня никто никогда не спросит:
«Какой во времени век?»
И я никогда не отвечу:
– Каков человек, такой век.
– И есть ли на сердце рана?
– Не бередит её
ни случайный прохожий,
ни смешное кино.

А когда на дворе очень жарко
(холодно, душно), умно
я разгребаю подарки —
улыбок веретено.

«Проходи, проходимка,
мы узнали тебя,
ты поэт-невидимка,
ты всегда голодна
этим городом пыльным,
лесом, полем!» Давно
смотрю взором остывшим —
мне уже всё равно
на мерцание улиц,
на мелькание лиц.

Нет, никто мне не скажет:
– Почему ты молчишь?
– Я молчу, потому что
не узнала тебя,
кто ты: призрак могучий
иль закон бытия?

Подари нам своё бытиё

– Дочь, подари нам кусочек,
кусочек своего бытия.

– Я бы хотела, но очень,
очень я занята:

я запираю дверцу
дома, сажусь писать
длинную, длинную повесть
о горе. Вам не отнять
это большое горе
у меня никогда, никогда,
потому что оно, как море,
большое – просто вода;
больше его только слёзы
всех на земле матерей
и девичьи, девичьи грёзы.
Нет этого горя добрей!

– А зачем тебе, девочка, горе?

– Мне оно ни к чему,
но есть у поэтов доля:
«босяками» ходить по дну.

Поэтому я всегда дома,
поэтому и одна.

– Ну подари нам кусочек,
кусоч своего бытия!

– Нате, берите ручку,
о бумагу дерите перо!

И о горе моём не забудьте
про лучшее бытиё.

Я сама себе задавала вопросы

– Какая сегодня история?

– Непроходимая боль!

– Какая погода на территории?

– Холод, дожди ... уволь!

– Скучно тебе живётся?

– Ну что ты, ведь солнце
светит на этой планете,

а поэтому скоро лето,
когда-то оно случится,

и будет мне материться
значительно легче, поверьте!

– Ты бы сходила в гости.
– В гости? Вы это бросьте,
не до походов долгих.
– А ты была на Волге?
– Нет, не была, но хотела.
Знаешь, ведь я не успела
ничего сделать в жизни.
Вот и стихи повисли
нечитаемой паутиной
очень и очень длинной.
– Длинная паутина.
Ты к чему это, Инна?
– Так, ни к чему, а просто,
просто не ходим в гости
мы никогда друг к другу.
– Я – это ты, подруга!

Хоронить или любить

Не спешите меня хоронить!
Положите на скатерть белую,
и не надо по мне скулить,

я для вас ничего не сделала.

Плачь не плачь, не вырастут розы,
от рыданий завянет цвет.

Некрасиво мёртвую спрашивать:

«Любила кого или нет?»

Не люблю, не люблю, не любила,
только косами травы косила,
косищами травы косила,
никого о том не спросила.

Петлю скрутила, лежу,
никем из людей не спрошенная,
не встану теперь, не пойду —
я трава зелёная, скошенная.

Я бы так век лежала,
но собака мимо бежала,
мимо бежала да разбудила.
И во мне невиданна сила
(не снаружи) внутри раскрылась.

Люди добрые, я влюбилась!

А в кого и сама не знаю,
но по нему скучаю.

Встану, пойду с косою
по деревне, все двери открою
и найду его, хоть за печкой!

Сяду с ним на крылечко,
ни о чем он меня не спросит,
лишь косу стальную забросит
подальше куда-то, куда-то,
а заодно и лопату.

Не спешите меня хоронить,
я для вас ничего не сделала.
Мне б на свадьбе своей побыть
да платье примерить белое!

Десять тысяч некрасавцев

Ой да на нашу раскрасавицу
10 тысяч некрасавцев найдется:
«Мы тебя не сделаем счастливой,
мы тебя не сделаем любимой,
а ежели чего, с тебя же спросим:
почему таки мы нехороши,
почему живем мы небогато,
и пошто у нас кривые хаты,
в рукомойниках вода зачем застыла?»

Как же так, царя ты не побила,
и весь мир не превратила в остров,
на котором жить было бы просто!»

Я думала, гадала, сомневалась,
с некрасавцами своими соглашалась,
ну а согласившись, заболела,
заболев, плохую песню спела:
как жила я вовсе небогато,
не имея ни двора, ни хаты.

Кошка воду выпила с корыта.
Вот, сижу больная, не умыта,
а до царской доли не допрыгнуть,
остаётся лишь к забору липнуть
у себя на острове дремучем
да кивать лишь ивушке плакучей.

Отвернулись 10 тысяч некрасавцев:
«Ладно, мы пошли, одна справляйся,
тебе ж не привыкать. Ну, поправляйся!»

Мне не привыкать, я поправляюсь
и на острове своем одна справляюсь:
я медведям плакаться устала.

Села, встала, села, встала, села, встала
и пошла по замкнутому кругу —
ни невеста, ни жена и ни подруга.

Раны

Зализывала я раны
каким-то образом странным:
то пила, то ела,
то в окно пустое глядела.
А жизнь как-то не торопилась
отвечать на «Ты б отпустила!
и не мучила ежедневно
своим временем верным».

А ведь лет было мне – середина.
Я у неба просила:
нет и не смерти даже,
а чтоб старость была покраше.
Но с чего бы ей быть покраше,
когда юность босая машет,
а невесёлая зрелость
кивает на дом, там серость
и полный таз мыла:
«Ты не все углы перемыла!»

И этот круг бесконечный
раны мои не залечит,
боли мои не залижет.
Огонь в печурке всё ближе:
«Кушай, родная, и пей,
нету судьбы добрей,
чем твоя одинокая,
такая, как яма, глубокая!»

То грязь на дворе, то простуда

Когда жизнь похожа на клетку,
это не шутки, детка,
это со всех сторон клетка,
и снаружи мир не менее страшен
в чёрно-белый цвет перекрашен:
там на ветке синице
никак не сидится,
журавлю не летается,
а убийцам не кается;
прошлое с будущим перемешалось,

настоящее не отзывалось,
и вокруг тишина.
Ты искала себя сама.
Не находила.
В тёплый угол свой уходила
и там зачем-то рыдала.

Чего тебе было мало?
Что пропало, то и пропало,
не подберёшь, не склеишь,
дыханьем не отогреешь.
Вот и ходи теперь с богом
всё одним и тем же порогом.
Ключ у тебя с собой,
им свою хатку закрой,
да и сиди в ней тихо:
не пролетит ли лихо,
ворон ли не прокарчет,
дитя ли где не заплачет.
Тебе нет до этого дела,
ты выйти на улицу не захотела,
тебе мир за околицей страшен:
в черный цвет разукрашен.

А выйти когда-нибудь да придётся:
шаг, другой и нога разойдётся,

размахнутся руки,
от величайшей скуки
раскричится голова
и пошла, пошла, пошла
на «вы» одна-одинёшенька!
Какая же дева хорошенькая
в пустой квартире томится!
Спи родная, пусть тебе снится
море, берег да оберег —
твой родной человек
и с ним настоящая дружба,
если он тебе нужен.

Что ж, выбор за ней. Иль за вами.
А я подожду, когда свалит
цвет черно-белый отсюда.
То грязь на дворе, то простуда.

Плач девицы

– Ой, одна я у маменьки,
одна-одинёшенька я у папеньки,

никто меня замуж не берёт:

никто в наши ворота не пролезает!

– А широки ли ворота?

– Папанька сделал для кота.

Ой, несчастная я, горемычная!

– К горю мы привычные!

– Да кто это лезет,

кто плакать мне мешает?

– Сосед твой Мишаня!

– Я соседей с малых лет не видала,
маманя гулять не пускала.

А страшной ты сам али нет?

– Пригож собой, пока что не дед.

– Ой, жизнь моя нескладная,
гори она неладная!

А замуж ты меня, Мишаня, возьмёшь?

– Через забор ко мне сиганёшь?

– А зачем мне через забор сигать?

– По другому мне тебя не забрать!

– Ой-о-ой, ведь папанька будет ругаться,
а маманька по полу кататься!

Уходи-ка подальше Михайло,
моего деда не видел ты хайло!

– Тьфу на тебя, дура деревенская!

– Ой да несчастная я, честная!

И зачем бог мучился:

делал меня мученицу?

Пойду-ка, утоплюсь я в корыте.

– Голову свою не простудите!

– Да кто ж это опять мне плакать мешает?

– Борька-хряк с корыта вещает!

Тьфу на тебя, Борька, сто раз тьфу!

– Доплюёшься, замуж не возьму!

Плач девы красной

– Что ты, дева красная, плачешь?

– Злые недруги надругались.

Злые недруги надругались,

они со мной целовались,

они со мной миловались,

но я была безучастная,

у меня ведь горе ненастное,

горе такое большое,

всеобщее горе, людское:

то мор, то голод, то дети

не слушаются. И плети

даже не помогают.

Уж которые розги ломают
об граждан приставы эти!
А мы всё бродим, как Йети,
и песни поём дурные.

– А недруги то холостые,
те, которые целовались?

– Я с ними больше не знаюсь,
я им и вовсе не верю.

Я открываю двери,
а там писем целая куча.

Как рассказать получше?

Каждый в тех письмах хочет
в ответ получить мой почерк
с коротким ответом «да».

Но говорю я себе: никогда
не пойду за недругов замуж!
Потому как в пропасти канут
все земные народы.

Таков вердикт у природы!

И не надо меня жалеть,
на Луну хочу улететь.

Ходят слухи, там дети послушны
и приставы бродят ненужны.

А природа, так та, королева,
лунных жителей пожалела

и ни топит, ни мочит, ни жжёт,
а лелеет и бережёт!

– Эх, ты б замуж пошла за меня?

– А ты кто таков? Ну да.

– Беги тогда, девка, за мамкой,
пусть та приготовит санки.

Увезу я тебя на Чукотку.

А родителям вышлем фотку:
их дочь, куча внуков, хибара.

А что ж ты хотела, родная?

– Ой, ничего не хотела,
ведь внутри всё кричит: перезрела!

Увези меня, милый, отсюда,
клянусь, про Луну я забуду.

А приставы есть там?

– А как же!

У каждого галстук наглажен,
и ждут от тебя письма
с коротким ответом «да»!

Как я замуж выходила

Собралась я замуж, однако.

Зачесалась у бати срака:

– Доню, денег нет на это дело,
а с чего ты замуж захотела?

– Тятенька, пора бы, лет мне много,
вон Колян стоит возле порога.

– Ты скажи-ка своему Коляну:
пусть он свадебку сам и играет!

– Ну, папанечка, спасибо за подмогу!

– Извиняйте, доню, я не могу.

Я к маманьке (та у печки):

– Надо б замуж выйти вашей дочке!

Мать поварёшку лизнула,

как-то странно на меня взглянула:

– Ты б пошла, дровишек наколола.

– Мама, у порога стоит Коля!

– Правильно, пусть Коля и наколет;

а ведь замуж, донь, никто и не неволит.

– Да хочу я замуж, вы поймите!

Вы к Коляновым родителям сходите.

Что ж, попёрлись наши к родичам Коляна.

Также странно на меня смотрела его мама,

у отца его чесалась тоже срака,

в огород послал нас за бураком.
Хоть не хоть, а свадьба состоялась!
Я столы накрывала, старалась
и за водкой бегала с Коляном,
низко кланялись мы папам, мамам.
На гармошке я сама играла,
песни деревенские орала.
А как выпила, пошла я, девки, в поле.
Замуж ведь никто и не неволит!

Когда совесть с планеты ушла

Я проснулась и поняла:
совесть с планеты ушла,
совести больше нет,
закрылась она на обед,
в синем море купается,
а людьми и вовсе не знается,
в чаше сидит иль на небе.
И пока наши мысли о хлебе,
о домах, о яхтах богатых,
совесть ушла виновато

и больше уже не вернётся.
Она над нами смеётся
где-то в чужих мирах.

Вот я сижу на сносях.
Кто ж у меня родится?
Без совести где пригодится,
куда пойдёт и зачем:
за золотом, к власти. «Почём
нынче совесть?» – скажет,
а если скажет, повяжут
и кинут в темницу, да, да!
Ведь совесть ушла навсегда
и никогда не вернётся.
Ладно, раз мать твоя не сдаётся,
то и ты расти, мой сынок,
как в поле бессовестный колосок.
Беги, разыщи нашу совесть!
А я напишу о ней повесть.

Девочка-невидимка

Если Арктический Воин
обиделся навсегда,
то девочка-невидимка
не будет смотреть никогда
на эту тяжкую тяжбу,
на эту зыбкую зыбь.
Девушка-невидимка
сможет про всё забыть,
а также прощать не прощая
и не любя любить.

Женщина-невидимка
сможет в себя влюбить
города и народы,
неведомые пески.
Тебе понять это тяжело?
Значит, к ней не ходи!
Не ходи, она не полюбит
твои тревожные сны.
Она полмира погубит
от собственной простоты.
Её шокирует чудо,
её умиляет ложь.
И если она что забудет,
того уже не вернёшь.

Бабушка-невидимка —
это, наверно, я.
Перебираю числа:
в них лишь слова, слова...

Весёлые с печальями войны

Не было печали на свете.
Но откуда ни возьмись, налетели,
налетели, размахались крылами
большие такие Печали:
одна с головою медузы,
другая жирная с пузом,
третья, как смерть, вся белая.

Какая ж я девочка смелая
оказывается,
я с ножом на них,
пусть не показываются!
И все б хорошо, да беда,
всё летят Печали сюда,
присядут вот так у окошка:

– Лежишь невесёлая крошка?
– Кыш! – не улетают Печали.
Ну вот, начинай сначала:
– Что вам от меня надо?
– Жить в печали отрада! —
хохочет самая страшная,
как из кошмара ужасная.

Как же от них отделаться?
Выход один: дело делается,
дело делается, вот и не скучно,
стих написан, уже получше,
получше на душе, веселее.
Глядь, я ещё смелее,
достаю большущую скалку
и по Печалям бью палкой.
Тьфу на вас, чертовы куклы,
летите из моей кухни
совсем на другого героя,
который всегда весёлый!

Улетели Печали,
а я пью чай и скучаю.
Вот допью чай и вспомню
свои весёлые с Печалями войны!

Песня огородная, не свадебная пока что

- Здравствуй, кум
– Привет, Кума.
– Как живёшь?
– А как сама?
– Я ходила в огород.
– Что же там у вас растёт?
То ли брюква, толь чеснок,
топинамбур иль горох?
– Ай, заросло всё сорняком:
чертополохом, лопухом!
– Ну пошла бы прополола,
чем же хвастаешь, корова:
обленилась, зажирела,
всё б плясала ты и пела!
– Ой, кум-куманёк,
что за бред ты поволок?
Я ходила в огород, в огород,
ничего там не растёт, не растёт,
потому что хозяин плохой!
Куманёк, так огородик это твой,

твой, твой, твой огород,
а хозяин там лентяй да урод!
Тридцать раз плевала на тебя! —
собралась я и до дому пошла.
— Эй, кума, стой, погоди-ка,
а ты зачем ко мне заходила?

Плюнула ещё раз и ушла.
Не скажу же куму, что пришла
присмотреться я к нему, как к жениху.
Ладно, завтра снова загляну.

Если мужиков на свете мало

Когда мужчин не хватает,
баба злою бывает,
печальная бывает баба,
она и себе не рада.
Она телевизор смотрит
и видит: жизнь её портит,
жизнь её вовсе не красит.

Она губы чуть-чуть подкрасит,
съест помаду с едою.
Потом двери закроет
и алкашей не впустит,
заплачет: «Дома как пусто!»
Ей скажут: «Что ж ты хотела?»
С нами выпить не захотела,
теперь сиди и жди принца,
вон в телевизоре лица».
В телевизор баба уставится.
Знает, она не красавица,
но знаменитость хочет с экрана
или с киногероем в баню.

Глупая, глупая баба,
к тебе сосед с бормотухой, будь рада!
Хватит мечтать о звёздах.
У них ведь всё тоже непросто:
нет им счастья в жизни,
потому что их звёздные лица
сглазили бабы дурные,
такие как ты – простые!

Я просто в лесу жила

Одна – ты бог

Когда ты одна, ты похожа на бога:

до смерти совсем немного,

до славы четыре шага

и молодость не прошла.

Когда ты одна, ты богиня:

взгляд у тебя невинный,

и месть глубоко сидит —

затаилась, молчит, пыхтит.

Просто ты одна и немного

почувствовала себя богом,

прошлашь по полям, по лугам

подумала: «Не отдам!»

Не отдашь ты поля и не надо!

Не отдашься – не в том преграда.

Есть на свете другая стена:

ты одна, и ты не видна,
к тебе никто не подступится.
Краска на стенке облупится.
С твоего дорогого лица
воду не пить. Ты б пошла
до людей осторожно
да сказала им: «Можно
потрогаю ваши жизни,
а также шальные мысли?»
И люди тебе ответят:
– Говорят, на том свете
трогать всё давно разрешается,
тебе там точно понравится!

Я говорю

Я всегда говорю между делом,
я всегда пишу между строк.
И чего бы я ни хотела,
наговорю я впрок!
Всё что смогла, я сделала:
брала белила самые белые

и белила историю кровью.
Ничего, отмоем её.
– Ну вот, – вздыхала я мрачно
и бумагой наждачной
распиливала сердца. —
Ещё одна боль ушла.

Уходящая боль уходила,
нет, не благодарила,
а твердила: «Теперь
будет всё у тебя болеть!»
Болит всё за грехи человечества,
стою голая перед вечностью,
а на улице выюга:
«Одевайся, подруга
и иди куда-нибудь лесом,
там будет тебе интересно.»
Звезда так тоже сказала,
а я села, а потом встала,
и пошла по замкнутому кругу:
ни невеста, ни жена и ни подруга.

Благая весть

Никому не будет страшно
в тёплой сытости своей.
У кого одна рубашка?
Не отдашь? Ну и бог с ней.
Я последнюю раскрыла
неземную благовесть:
дикой повестью покрыта
пыль земная и известь.
А кого тут совесть мучит,
тот совсем её замучит,
и останется от ней —
пыль земная и иней.

Собирайся в круг народ:
девица в гости к вам идёт,
придёт и скажет:
«Кто пьёт да пляшет,
тому не страшно;
а кто поёт,
того сожрёт
велика совесть!»

Такая повесть.

Так собирайся ж народ,
к вам девка русска идёт!

А кому страшно,
так те не наши,
и бабы краше
у них, наверно.

А нам, неверным,
совсем не больно,
и совесть вольна,

сыта, красива
в тепле спесиво
скуля от боли:

– Доколе, доколе, доколе?

Я сама швея вышиваша

Не дарите мне цветов, не дарите.
В поле нету их милей, не сорвите!
На лужайку опущусь я вся в белом —
разукрашусь до ног цветом смелым:

красная на груди алеет роза,
на спине капризнейшая мимоза,
на рукавчике сирень смешная,
а на подоле астрища злая!

Я веночек сотку из ромашек.
А знаете, ведь нету краше
жёлтого, как солнце, одувана
и пуха его белого. Ивану
я рубаху разошью васильками:
бегай, бегай, Иваша, за нами!

Беги, беги, Иван, не споткнись —
во всех баб за раз не влюбись,
а влюбись в меня скорей, Иваша;
разве зря я, швея-вышиваша,
васильки тебе вышивала,
да на подоле астрища злая
просто так ко мне прицепилась?
И зачем в дурака я влюбилась?
А цветов мне не надо ваших!
Я сама швея-вышиваша!

Расскажу, как живу я в лесу

Расскажи, как живётся тебе в лесу?

– По верёвочной лесенке тихо иду,
но иду я так тихо,
что кружащее лихо
охраняет меня от зла.

Так шла я и шла,
пока не пришла к избушке,
а в избушке сидит старушка
печь поговорками топит
и загадочно смотрит:

– Суждено тебе, дочь, влюбиться
в двух мужчин сразу, и злитя
они поначалу будут,
а потом обиды забудут.

– А дальше что, родная?
«Дальше судьба плохая
у одного из них.

Вот второй то тебе и жених!»

А сама улыбается,
ей старухе не мается,
ей старухе не горбится.

Я стою, мне коробится:

– Как же так? «Так бывает,
в общем, не полегчает
твоё сердце с первым,
ох, нехороший он!

Зато со вторым всё сложится,
всё сложится, всё получится,
к старости вы подружитесь.»

– А до старости жить я с кем буду?

Махнула старушка рукой: «Забудешь
с кем маялась, о чём печалилась,
всё, всё забудешь.

А как жених тебя твой обнимет,
так лихо твоё и сгинет!»

Я по верёвочной лесенке тихо пошла,
в деревеньку одну забрела.

С лихом я долго дружила,
слова бабушки той забыла,
а как влюбилась в двух разом,
так и вспомнила сразу.

И лет мне было немало,
я была уже мамой,
лучшей кому-то подругой,
печку топила вьюгой
да стихи сочиняла

о том, что старуха злая —
это и есть судьба.

А замуж? Нет, не пошла.

Песня плакательная про Любашу

Как играла на дудочке
наша девочка Любочка,
наша девочка Любочка
играла на дудочке,
а за девочкой Любочкой
журавли да цапли,
и росинки капали.

«День, день, дребедень
(пела, пела дудочка
в руках, губах у Любочки)
дзень-дзень!»

Через пень,
через пень и кочку.

– Ах ты, наша дочка,

куда ж ты побежала,
куда, куда позвала
журавлей да цапель?
– Я, отец, на паперть,
я, маманька, в монастырь,
мне бел свет уже не мил!

Пойдёт Люба умирать, умирать,
позабыв отца и мать,
а за нею журавли, журавли
всё: «Курлы, курлы, курлы.»

А за нею цапли:

«Не хотим на паперть,
не хотим в монастырь,
Люба, Люба, не ходи!»

Люба, Люба, Любушка
девушка голубушка,
брось проклятую дуду,
а то я с тобой пойду
в монастырь, на паперть.
Будет папа плакать,
начнёт мать по мне рыдать,
завалившись на кровать.

Не ходите вы туды,

куда богу нет пути,
куда нету ходу
даже пешеходу,
пешеходу смелому,
судьбу который делает
само-само-самостоятельно!

Какая у нас плакательная
песня получается.

Терпение кончается

у нашего народа:

– Иди за пешехода

ты, Любаша, замуж —

тридцать лет, пора уж!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.